

Сплетением линии судьбы – впритык к переплету. Дрожащей старческой рукой потянуть на себя громоздкий том, выборочно запечатлевший прожитое, прошаркать к креслу – и плюхнуться на колени. Тяжело. Никогда не считал, сколько в нем страниц с застигнутыми фотокамерой мгновениями. Даже странно, что и мысли такой не возникало. Суетился, бегал, решал насущные проблемы... и, как казалось, жил. Промелькнула, словно чуждый сон, и растворилась, оставив в памяти призрачные отпечатки босоногого детства, лакированной молодости, и уткнулась в матерчатую ветхую старость. И почти все здесь. Уместилось между обтянутым потертым бархатом покрышки и дна. Шершавя ладонью обложку, Юрий Иванович задумался, невидяще вглядываясь в сумрак комнаты. Темно и тихо. Лишь свет плачущих дождем законных фонарей проявляет негатив обстановки. Контуры предметов причудливо изломаны, раздроблены на струящуюся пиксельную зернь. Не собрать, не сложить, не зафиксировать... Сплошное не.

Обслюнявленные пальцы ухватились за толстую картонную плиту, и она, всхлипнув, запрокинулась, прихватив с собой пару слипшихся страниц. Нет, так дело не пойдет – миг пролистнул младенчество, и без того стертое ластиком времени. Сколько ни вглядывайся, не разобрать строк памяти. Мерещатся, чудятся, домысливаются эфемерные следы, воскрешая из небытия размытые фрагменты снимков, запахов и ощущений. Желтые прутья детской кровати, впивающиеся в мякоть обглоданной перекладки. Обхватить ртом и – со скрежетом – зубами. Вкусно! Привкус содранной краски до сих пор на губах. Дырявая соска на бутылочке капает, течет умиротворительной теплотой сладкого молока. Отец с мороза колетса щетиной. Веет каким-то своим неповторимым родным ароматом от матери.

А вот и он в распашонке. Развалился безмятежно, нагло выставив писюн. Девчонки, заходившие в гости, очень уж любили рассматривать

этот снимок, похихикивая и пряча глаза. Некоторые наиболее любознательные смогли позднее познакомиться с ним поближе. Юрий Иванович усмехнулся, припоминая любовные утехы. Как давно это было...

Школа, первая учительница. До сих пор помнит, как ее звали. Тамара Васильевна – вторая мама. Не потому, что так было принято называть, а по сути своей. Ребята из класса. Октябрьские звездочки, пионерские галстуки, дружина имени Тани Савичевой, школьные линейки и непреходящие чувства послевоенного голода и счастья. Пожелтевших, обрезанных по краям витиеватыми узорами фотографий мало. Лица, смотрящие из безвозвратно улигнувшей эпохи и переворачивающие трещащую по швам душу. Никого не осталось. Никого. Он последний. Были – и нет. Словно и не было. Курить. Как же хочется курить. Но нельзя. Врачи запретили. Плевать. Чуть раньше, чуть позже... Все равно пора готовиться. Альбом переплетом на отлежанный диван – и к окну. Половицы сварливо скрипят, жалобно охая и вздыхая. Почти его ровесницы. Форточка ахнула как-то особенно по-своему. Звук, который невозможно спутать ни с каким другим. Только так и никак иначе звучат, распахиваясь, дряхлые, со шпингалетами и затворами, окна. Поздняя осень плачет беззвучьем. Без надрыва, смиряясь с неизбежным. Слезинки, смешанные с редкими снежинками, залетают внутрь, падая на лицо. Промокшие листья из последних сил цепляются за ветви деревьев и кустарников. Сигарета алеет, серебря виски темноты. Завитки дыма, играючи, ускользают наружу. Вот и все. Последняя затяжка, и окуроч, испуская вздох, скрючился, ткнувшись в пепельницу. Вспомнилось, как школяром воровал у деда махорку и неумело, рассыпая, скручивал из газетного окаема козью ножку. Продирало легкие до надсадного кашля, до головокружения и рвоты. Отец как-то поймал и отвесил подзатыльника. Не сильно, но запомнил на всю жизнь. Как-то хотел вырезать перочинным ножом трубку мира, как у Чингачука. Не получилось. Порезы на пальцах давно затянулись, спрятались среди морщин, так что не разобрать. Одна из любимых игр – в ножички. Согнуть лезвие под 90 градусов, подцепить снизу за ручку и дернуть вверх. Измерить пальцами расстояние между полом и ручкой. Два, три... Это десятки. Кто больше наберет?! Ему везло. Нож часто падал провинившимся кутенком, лезвием вверх. Это сразу сто очков. Или лучше «в землю». Тоже интересно. Кидать с высоты роста в очерченный круг, проводить черту, отхватывая у противника куски территории. Балансировать на оставшейся, постоянно уменьшающейся части... Или нет. Лучше в солдатиков. Пластмассовых, оловянных, вылитых вручную из свинца, спрятать в домах и крепостях из кубиков и разрушать из пушки, стреляющей вместо потерянных снарядов палочками для счета. И кусок черного хлеба, политый растительным маслом и посыпанный крупной, хрустящей на зубах солью. А еще картошка, запеченная на костре. Корочка пачкает и обжигает губы. Вкуснотища! Еще что ли покурить? Нет. Достаточно. По рассерженным половицам – обратно в кресло. Альбом на колени – и перелистывать страницы. Родители молодые, и он с шариками и флажком. Вероятно, Первомай. Так и есть. На обороте смазанная дата – 1956-й. Дальше выпускной, армия и... Она. Дождалась.

Ком застрял, заворочался в горле, мешая вздохнуть. Красивая. Даже очень. Не понять, почему выбрала его и всю жизнь вместе. Молодая, веселая, смешливая и терпеливая. А затем... Высохшая бессильная рука, кроткий взгляд и измученное уставшее лицо на подушке. Семь

лет, не вставая, цепляясь за жизнь и ловя надежду в его ускользающем, избегающем взоре. Отворачивался, шутил, улыбался, а оставшись наедине с собой, выл в бессилии. Неудачная операция, паралич – и комья сырой земли на ладони. Наташа, Ната, Таша... Да, пил. Пил иступленно, вдрызг, на разрыв. Забывался – и снова, и снова, и снова... Приснилась. Зарылся, уткнулся лицом в знакомый до одури запах, чувствуя и чуя ласковые пальцы на поседевшей голове. Очнулся – и без выходных, без праздников, всегда на виду и среди людей. Работа, работа, работа... Ловил удачные моменты, кадры, проявлял, печатал фотографии, устраивал выставки, ездил в командировки, на репортажи – лишь бы не остаться одному. И по ночам в пустой квартире мерещилась и чудилась легкая невесомая поступь по молчащим онемевшим половицам.

Все рабочие фотографии собраны в других альбомах, разбросаны по архивам редакций, дискам и компьютерам. Это тоже часть жизни, но не его жизнь. Его вся здесь, загнана между бархатной желтой обложкой, держится осенними листьями за ветхий корешок и того гляди оторвется и вывалится. Рассыплется, разлетится, перепутается так, что ни собрать, ни склеить...

Что там дальше? Ничего нового, все те же знакомые родные лица, очерченные кругами. Одного за одним отмечал Юрий Иванович уходящих поочередно, порой внезапно, а иногда и ожидаемо, тягостно-обреченно. Кресты, могилы и похоронные землистые взгляды. Зачем нужно это было снимать и тем более втискивать в прорези по углам? Для памяти? Она и без того, не смыкая глаз, неотступно тревожит и денно, и ночью. Особенно во тьме, в забытьи сна. Придет, сядет в изголовье и молча, безотрывно и печально смотрит. Задремлет рассвет, и ласково-печально коснется на прощанье серебра волос. Или это Ната, Наташа, Таша... Исчезнет в сумерках, оставив шлейф щемящего аромата. В последнее время все чаще.

За грудиной вновь привычно заныло. Привстал, и позабытый альбом, неловко соскользнув, шмякнулся на вздрогнувшие половицы. Пусть лежит. Кому он нужен. Все просмотрено-высмотрено насквозь, наизусть. Шагнул к буфету и пальцами – в аптечку. Валидол под язык, и на непослушных ногах вернулся обратно.

Окно по-прежнему манит неизъяснимостью. Светает или почудилось? Будто ночь вытерла со стекол мутные подтеки дождя, наводя ракурс на окрестности. Фонари тлеют дежурным освещением, но шелкни выключателем, и вспыхнут софитами, изгоняя из комнаты полутона и тени. Главное – правильно, грамотно их выставить. Взяться за стойки, выдернуть из озябшей сковывающей земли и – с разных сторон – от объекта. Убрать черноту застывших деревьев и пожухлых кустарников. Сменить задний фон из скорбных многоэтажек, поблескивающих объективами окон; прямой, пустынной и безыскусной улицы, забывшей, где начало и где конец беспрестанной, надоедливой измороси.

Но вроде бы действительно посветлело. Выдернулся из обхватывающего кресла и, споткнувшись об альбом, прошагал к окну. Половицы запели старую песню, не изменяя ни единой ноты. Прислонился горячим лбом и глянул сквозь стекло. Первый снег обелил округу, улегшись на грязную землю, повис гроздьями на листьях, нахлобучился на крыши. Так много. Видимо, шел беспрестанно всю ночь, а он и не заметил. Все равно недолговечен. Растает, расплывится капелью, разольется лужами среди мешанины спешащих ног. Сверху шлепнуло по карнизу, резанув тишину часовой стрелкой, и Юрий Иванович, вздрогнув

от неожиданности, отпрянул. Развернулся, оглядывая комнату. Действительно, посветлело, но еще нужно подождать. Хотя, пока собирается...

Под мольбы задремавших, страдающих бессонницей половиц, прошагал к буфету. Полупустой ящик высунул язык, дразня покотившейся отпитой чекушкой. стакан, впитав остатки, взмыл и, негромко притопнув, отдал честь, словно старый солдат генералу. На ходу занюхал рукавом, и дверцы шкафа распахнулись, выставив товар лицом. Прогулялся взглядом, примеряясь. Новый, с иголки, костюм пусть пока повисит, дожидаясь торжественного случая. Сойдет попроще, в котором он работал фотокором вплоть до ухода из профессии. Именно в нем Юрий Иванович и растянулся на льду, сломав ключицу и плечо правой руки. Кости срослись неправильно, а ломать заново и править не стали. Может быть, и зря, но что поминать о минувшем. О нем либо хорошо, либо ничего. Костюм сидит, как влитой, будто и не снимали. Что еще? Старая фотокамера, с которой не расставался ни днем, ни ночью. Вытер пыль – и поводком на шею. Теперь порядок, хоть вновь садись в редакционную машину и езжай на ответственное задание. Но это все позади...

Юрий Иванович погляделся в сумрачное зеркало. Расческа пригладдила отросшие седые лохмы. Повертел головой. Хорош! Усы с бородой чуть бы укоротить, ну да ладно. И так сойдет. Флакон насмешливо фыркнул одеколоном. Вроде все...

Привычно охнуло продавленное кресло. Взгляд пробежался по комнате. Да, света предостаточно. Окно внезапно почернело, округляясь линзой, впитывая и выплевывая с хрустом наружу кости рамы. Миг – и комната залилась ярким светом софитов. Юрий Иванович замер, ошутив-угадав невесомую кисть на плече. Ната! Таша! Наташа! Прошла незримо, незаметно встав сзади. Вскочить! Обернуться! Но... Не шевелитесь! Улыбочку! Ослепительная вспышка резанула по сознанию. Готово фото на память. На последнюю страницу альбома.